

Император Павел взошёл на Российский Престол на 43-м году своей жизни, человеком вполне сложившимся, зрелым. Был он давно женат на Вюртембергской принцессе Софии Доротеи, принявшей в Православии имя Марии Фёдоровны. Это был его второй брак, заключённый в 1776 г. Первым же браком Павел Петрович был женат на принцессе Вильгельмине Гессен-Дармштадской в 1773 г., которая скоро умерла в тяжёлых родах. От брака с Марией Фёдоровной родились дети: Александр (1777 г.), Константин (1779 г.), Александра (1783 г.), Елена (1784 г.), Мария (1786 г.), Екатерина (1788 г.), Ольга (1792 г.), Анна (1795 г.), Николай (1796 г.) и Михаил (1798 г.). Десять детей! Уже одно это говорит о том, что семейная жизнь Государя Павла складывалась счастливо; царственные супруги любили друг друга.

Лишь в последние годы правления Павла Петровича исключительно по вине сознательных интриганов между ним и женой произошло расхождение, которое вполне могло быть преодолено (и даже при характере Императора обязательно преодолелось бы), если бы он остался в живых. Государь воспринял от Императрицы Елизаветы

Петровны глубокую и искреннюю религиозность, молитвенность, от матери унаследовал мудрость и способности к образованию, от отца – детскость души (он тоже был, в сущности, «большим ребёнком») и склонность к военным занятиям в прусских традициях. Государыня Елизавета, как мы помним, отняла Павла Петровича в младенческом его возрасте от матери и воспитывала сама. Екатерина II по-матерински любила сына и глубоко пережила отчуждение его. Но с течением времени, после своего воцарения, Екатерина II сама начала отчуждаться от Павла, как раз потому, что он ею же был объявлен Наследником, и сделался не только сыном, но и опасным соперником, так как изначально (и впоследствии) многие полагали, что более соответствующим российским традициям было бы царствование Павла при регентстве матери, до его совершеннолетия. По достижении 16-летнего возраста пошли толки (правда, не очень настойчивые и сильные), что Императором должен быть он, а Екатерина II занимает Престол «незаконно». Она знала об этих толках. Павла невлюбила. Зато очень приблизила к себе внука Александра Павловича, проделав с ним то же, что было проделано с её сыном Павлом, то есть, взяв Александра от родителей и воспитывая его по-своему. Наконец, у Екатерины II появилась мысль передать Российский Престол Александру, в обход его отца Павла. Государыня не успела осуществить этот замысел, но о нём знали и Павел Петрович и придворные, что явилось причиной дополнительной душевной напряженности Павла. Основное же напряжение, постоянная скорбь его души состояла том, что он изначально был лишён материнской любви и ласки и в дальнейшем подвергался отчуждению и пренебрежению со стороны матери, а также унижениям, вплоть до совершенно непозволительных оскорблений со стороны её фаворитов и приближённых. Немудрено, что рано узнав о том, как погиб его отец Император Пётр III, Павел Петрович стал особенно чтить его память, в чём-то ему подражать, что ещё более раздражало Екатерину II. Она держала Наследника вдали от Петербурга, в Гатчине и Павловске, и вдали от всех государственных дел. Подраставший старший сын Александр Павлович, любя и мать и отца, с юности принуждён был в прямом и переносном смысле метаться между Петербургом и Гатчиной! Всё это было большой человеческой и династической драмой, отражавшей, как нетрудно видеть, драму духовных и политических разделений российского общества. Однако как раз эти обстоятельства позволили будущему Императору Павлу I глядеть на то, что делалось в государственном управлении его матерью, как бы со стороны, критически. И он задолго до восшествия на Престол понял следующее: 1. правовую, незаконность свержения Петра III и уголовно-нравственную преступность его убийства, а, следовательно, незаконность воцарения Екатерины II; 2. недопустимость подчинения Царя дворянам; 3. пагубность порабощения основной части русского народа – крестьян и отчуждения от них Царской Особы»; 4. крайнюю вредность разврата и чрезмерной роскоши, царивших при Дворе и достигших при Екатерине II небывалых размеров; и, наконец, 5. недопустимость французского вольнодумства, республиканских («якобинских») симпатий и настроений в дворянской среде (которые, хотя и ограничивались главным образом только фразой и модами неким «салонным якобинством», но уже начали переходить кое у кого в настоящие революционные, антимонархические убеждения). Собственно, все указанные пять отрицательных особенностей российской жизни являлись ничем иным, как отличительными чертами «революции», которую совершила Екатерина II, как она сама иногда и выражалась. Отсюда, по мере возмужания, Павел Петрович всё более отчётливо понимал главную задачу своего царствования, когда оно наступит, –

возвращение к здоровым и верным началам российской жизни. Но тогда неизбежно вставал величайших последствий вопрос: знает ли сам Павел Петрович в достаточной мере, что суть верные и здоровые начала жизни России?

Главным воспитателем Павла Петровича Екатерина II назначила графа Никиту Ивановича Панина, человека светски весьма образованного и умного, руководившего долгое время всей внешней политикой. Столь большая занятость не давала Панину возможности уделять много времени для занятий с воспитанником. Он предоставил многое другим учителям, осуществляя общее руководство. Мирские предметы преподаваны и усвоены были отлично. А с наукой духовной дело было сложнее... Законоучителем (преподавателем Закона Божия) у Наследника был знаменитый Платон (Левшин), впоследствии – митрополит Московский, а тогда ещё молодой иеромонах. Екатерина II встретила его в Троице-Сергиевой Лавре. Отец Платон поразил её красноречием и уж очень мужской наружностью, и она задала ему очень женский вопрос: «Ради чего вы пошли в монашество?» . Платон живо ответил: «Ради просвещения!» Просвещённой Императрице ответ понравился. Отец Платон стал учителем её сына. Человеком он был хорошим, добрым, действительно образованным и выдающимся оратором. Однажды в Петропавловском соборе в Петербурге, в присутствии Государыни и придворных, он произносил проповедь. Неожиданно сойдя с места, он подошёл прямо к гробнице Петра I-го и обратился к нему, как к живому, с повелением «встать и посмотреть», каких успехов достигла Россия!.. У всех мороз пошёл по коже! «Отец Платон делает с нами что хочет! – восклицала потом Екатерина II.– Хочет, чтоб мы смеялись, и мы смеёмся; хочет, чтоб плакали, и мы плачем». Но о. Платон был, вполне в духе времени, человеком более светским и душевным, чем духовным. Преподавал он Закон Божий в соответствии с наставлениями Екатерины II и предписаниями Синода, опираясь на доводы «естественной религии», разума и отвлечённых понятий о «добродетели», духовно – таинственная (мистическая) сторона Православия при сем пропадала. А детская душа Павла Петровича, как и любого человека, тянулась как раз к таинственному, и ей приходилось искать его там, где не нужно – в романтической мечтательности, в чувствах, навеянных светской литературой, особенно – рыцарского характера. Жизнь же ставила его перед фактами грубости, подлости, лжи и самых низменных склонностей, которые он ненавидел и за которые потом беспощадно карал. В итоге Павел Петрович вырос человеком искренне верующим, очень добрым, порядочным в высшей степени, умным, но вспыльчивым, резким и по-детски весьма доверчивым. Он очень любил военное дело и строй. В Гатчине у него было до полутора тысяч войска, которое он одел в прусскую, форму и занимался с ним строевой подготовкой по прусским уставам. Ничего дурного не было в этом, так как Прусская армия тех времён справедливо считалась одной из лучших в мире! Но российское офицерство, в первую очередь, конечно, гвардейское, порядков таких не любило. И не потому, что было патриотично (Российская армия всё равно строилась по западным образцам), а потому, что строгая дисциплина, свойственная уставам прусским, их, дворян, мнивших себя повелителями даже Царских Особ, унижала! Хотя Павел Петрович и жил в отдалении от Двора своей матери, но не настолько, чтобы не знать его и не испытывать на себе его влияний. Он давно знал, что представляют собой «екатерининские орлы» и «екатерининские змеи». Особенно ненавидел он любовников-фаворитов матери, которые оскверняли ложе его убиенного отца (в последнее время таковым фаворитом являлся князь Платон Зубов, позволявший себе

оскорблять Павла даже в присутствии Екатерины II). В 1782-1783 г.г. Павел Петрович с женой под именем князей Северных, совершили счастливое путешествие по Европе. В Париже их принимали Людовик XVI и Мария Антуанетта. Изощёренный, выдавший виды французский Двор был восхищён образованностью, умом и манерами Павла Петровича! Король с королевой подарили ему знаменитый гобелен с картины Рафаэля «Школа в Афинах». Говорят, Павла Петровича однажды пытались втянуть в интригу против матери с целью её насильственного свержения. Он с возмущением отказался. Тогда, чтобы Павел не выдал заговорщиков, его отравили ядом, но врачам удалось спасти его жизнь. Он тяжело болел и последствия этой болезни сказывались потом в приступах удушья, а также в том, что в душе Павла Петровича развилась подозрительность. Она никогда не была маниакальной, как это хотят представить, ибо основывалась на горькой действительности и вполне подтвердилась в конце. Таким человеком в 1796 г. Павел Петрович стал Императором Всероссийским.

Мы были вынуждены подробней обычного остановиться на его чертах личности и воспитания потому, что Государь Павел I оказался и при жизни и по смерти в большинстве исторических описаний умышленно оклеветан, как говорится, с ног до головы! Есть лишь три великих человека российской истории, представления о которых извращены полностью, как бы вывернуты наизнанку. Это патриарх Никон, Государь Павел I и Святой Царь-Мученик Николай II. В конце книги мы узнаем, почему это именно так. А сейчас пришлось вспомнить об этом в связи с тем, что история Павла I, как искусно запутанное «дело», нуждается в настоящем детективном расследовании. Здесь историк обязан стать сыщиком и следователем «по особо важным делам». Некоторые историки таковыми уже становились и, что называется, пересмотрели «дело» Императора Павла I в пользу его! Мы провели ещё одно, своё следствие. Весь ход его, за недостатком времени, излагать нет возможности. Сообщим лишь итоговые положения.

После кончины матери, объявленный Императором, Павел I начал с того, что приказал достать из могилы на кладбище Адександро-Невской Лавры останки своего отца, Петра III., положить их во гробе рядом с гробом Екатерины II в Зимнем дворце. Здесь Павел I открыл гроб отца и сам возложил на его голову царскую корону. Затем Екатерину II и Петра III одновременно хоронили в Петропавловском соборе – усыпальнице императоров. В похоронной процессии Павел заставил виновников убийства отца сопровождать его гроб. Алексей Орлов нёс реликвии Петра III...

В 1797 г. Москва встречала Императора Павла, прибывшего для священного чина «Венчания на Царство» (Коронации). Без охраны, верхом, Павел I въехал в народные толпы. Царь и народ встретились глаза в глаза. Светлый взгляд Императора светом душ человеческих был и встречен! «Родные мои! – обратился к толпе Государь, – сделаю всё, чтобы облегчить вашу долю». Такого Россия давно не видала! «Вот это Царь!» – вырвалось у кого-то, и от общего крика «Ура!» задрожали стены домов. После чина Миропомазания, которое принято совершать вторично, после Крещения человека, только над Царями, ибо таким образом им подаётся благодать Духа Святаго к правлению государством, почему Русские Цари и называются «Помазанниками Божиими», Император пошёл в алтарь в Успенском соборе Кремля, дабы сподобится Причащения (тоже по особому, царскому чину). Был он в парадных одеждах, непременною деталью которых являлась шпага. Но в самых царских вратах обычно ласковый, любимый Павлом бывший его законоучитель, а ныне – митрополит Платон

(Левшин) неожиданно строго остановил его. «Здесь приносится безкровная жертва Тела и Крови Христовых, отыми, Государь, меч от бедра своего,» – сказал архиерей. Шёпот-ропот побежал по собранью придворных. А Павел I послушно и просто выполнил повеление, тотчас сняв шпагу. Эта «маленькая деталь» говорила о многом! Новый Царь является Царём православным, а не только хочет казаться им!

И началось!.. Тут же, 5 апреля 1797 г., Павел I сам прочитал составленный им и Марией Фёдоровной новый закон («Учреждение») об Императорской Фамилии. Этим законом упразднялся указ Петра I 1722 г. о праве Российского Самодержца назначать Преемника Престола по своему усмотрению и возрождалась основа акта 1613 г. Отныне и навсегда (!) устанавливался строгий порядок престолонаследия, согласно которому отцу наследует старший сын, а в случае бездетности – старший брат. Закон предусматривал и разные иные случаи, определяя принципы наследования Престола, соответственно древним допетровским (!) русским обычаям и некоторым новым важным правилам (например, Лицо Императорской Фамилии, желающее сохранить права на престолонаследие, должно состоять только в равнородном браке с лицом царского или владетельного дома, то есть по крови не ниже себя). Новый закон Павла I навсегда пресекал в России опасность тех «революций»-переворотов, которые происходили в XVIII веке. А это значило, что кончается власть дворянства над Российскими Государями; они теперь не могут зависеть от прихотей и симпатий его. В России восстанавливается самодержавие! Глубоко уязвленное и «обиженное» дворянство сразу, с момента обнародования закона «Об Императорской Фамилии» стало в оппозицию Павлу I. Царю пришлось принять на себя первый и самый сильный удар оппозиции. Эта схватка Самодержца с дворянством была решающей, она определила дальнейшие судьбы всего государства. Она также выявила, кто есть кто в Великой России. Все историки – ненавистники Павла I не в силах умалить значения Закона 1797 г., признают его чрезвычайно важным и правильным, но замечают, что он был единственным выдающимся деянием этого Императора (других-де не было). Но такого деяния было более чем достаточно для всего царствования! Ибо это деяние означало коренной контр-переворот того, что совершила Екатерина II, или, следуя выражениям того времени, – контрреволюцию!

Впрочем, ненавистники лгут и здесь, как и во всём другом! Закон не был единственным важным деянием Государя. В тот же день 1797 года был оглашён манифест Павла I, в котором впервые крепостные крестьяне обязывались приводиться к присяге Царям и назывались не «рабами», а «любезными подданными», то есть признавались гражданами государства! Дальше – больше! Вышел указ Павла I, запрещавший помещикам заставлять крепостных работать на барщине более 3-х дней в неделю; другие 3 дня крестьяне должны были работать на себя, а в воскресенье – отдыхать и праздновать «день Господень», как все христиане. Уменьшались значительно подати с крепостных и государственных крестьян. Под угрозой суровых кар подтверждалось запрещение хозяевам продавать семейных крестьян по одиночке. Запрещалось подвергать телесным наказаниям крепостных – стариков, с 70-ти летнего возраста. (И вместе с тем разрешалось применять телесные наказания к дворянам, осуждённым за уголовные преступления). Всё это было ничем иным, как началом освобождения российских крестьян от крепостного права! В дворянских кругах тогда это так и называли, – «революция сверху» и впервые сказали о своём Императоре: «Он – сумасшедший!». Запомним, что это слово было брошено в связи с «крестьянской»

политикой Павла I. Ему поступила даже особая «Записка» одного дворянского собрания, где говорилось, что «русский народ не созрел для отмены телесных наказаний».

Однажды некий помещик незаконно отнял часть земель у своих крепостных. Те пожаловались Государю. Перепуганный барин стал просить прощения у своих крестьян, получил его. Принимая его потом, Государь Император сказал: «Помни впредь, что крестьяне тебе не рабы, а такие же мои подданные, как и ты. Тебе же только вверена забота о них, и ты ответствен предо мной за них, как я за Россию пред Богом». Так впервые после почти столетия возрождалось единение Царя с народом, всем народом. Так что Павел I стал первым общенародным Царём (а не только дворянским). Поэтому он часто подчёркивал, что знатность происхождения не имеет для него никакого значения. «В России велик лишь тот, с кем я говорю, и пока я с ним говорю», – замечал Павел I. Такая нарочитость позиции вызывалась необходимостью сломить непременно гордость дворян, чтобы восстановить подлинное самодержавие. В этих целях Император прежде всего ударил по гордости офицеров гвардии. Он запретил зачислять в гвардию дворянских детей – младенцев (что делалось до него, дабы увеличить выгодную «выслугу лет»). Офицерам-гвардейцам запрещалось ездить в каретах, запряжённых «четвериком» или «шестериком», прятать руки зимой в меховые муфты, носить на людях светские платья. Для них не делалось исключений по сравнению с другими армейскими офицерами. На учениях и смотрах с гвардейцев спрашивалось по всей строгости правил и уставов. Сколько тогда и потом говорили (и теперь ещё пишут!) о «палочной дисциплине», невероятных жестокостях в армии при Павле I, кошмарных наказаниях, прямо-таки издевательствах над военными. Чего стоит одна только выдумка о том, как некоему полку, выправка которого не понравилась Павлу I, было скомандовано: «В Сибирь шагом марш!» ... Выяснилось однако, что такого полка никогда не существовало; всё это «легенда, лишённая каких бы то ни было оснований», как пишут историки. У историков – ненавистников Павла I находим также признание, что строгости Императора относились лишь к офицерам (из дворян), а о солдатах была большая забота, к их питанию и содержанию проявлялось поистине отеческое внимание. К тому времени в гвардии рядовыми давно были уже не дворяне, а мужики. И солдатская масса гвардии Павла I очень любила и была ему предана. Офицеров за чрезмерную жестокость к солдатам строго карали. Так, любимый Павлом I генерал Аракчеев был уволен из Армии и отправлен в ссылку в своё имение за то, что слишком много шпицрутенов назначил трём солдатам, умершим после экзекуции. В роковую ночь убийства Павла I за него порывались вступиться солдаты гвардии. Преображенский полк отказался кричать «Ура!» Александру Павловичу, как новому Императору, так как точно не знал, действительно ли умер Государь Павел I. Двое солдат полка потребовали от командиров дать им точное доказательство смерти прежнего Императора. Этих солдат не только не наказали, но отправили, как «посольство» преображенцев ко гробу Павла I. По их возвращении полк присягнул Александру. Вот действительное положение русского солдата павловских времён, а не мнимое его «безправие»! Поскольку от Павла I больше всего «доставалось» офицерству, то нелишне узнать, за что. За нарушение формы одежды генерал князь Волконский и полковник Тургенев были просто выгнаны из приёмной штаба (Павел I приказал дежурному «удалить обоих дураков»). В ссылке в своём имении побывал граф А.В. Суворов за дерзостные высказывания против некоторых армейских мероприятий Императора. В журнале Военного ведомства за 1800

г. можно прочесть выговор Павла суворовским генералам за слабый порядок в полках. Семь полков, потерявших знамёна в войне с французами, лишаются впредь знамён. «Генерал-лейтенант Стоянов исключен из службы за пьянство», «генерал-лейтенант Гегемейстер исключается из службы, как негодяй». И так во всех случаях – вполне уважительные причины! Современник событий полковник Саблуков говорит, что лишь в трёх случаях Павел I допустил жестокое обращение с офицерами. Но увольнений и ссылок было много. Во всех таких вещах сам Император способен был сердечно раскаиваться и исправлять дело. Так, по представлению генерала графа Палена, Павел I в одночасье послал 20 курьеров, дабы вернуть отправленных ранее в ссылку военных. Возвращены были несколько сотен, и в том числе те, кого не следовало возвращать – братья Зубовы и Беннигсен, будущие цареубийцы. Государь и в иных кругах не взирал на лица. Любой чиновник любого ранга, любой вельможа мог быть в любой момент лишён званий, чинов, орденов, места службы. Однажды граф Растопчин, очень близкий к Павлу I, устроил интригу против не менее ценимого Императором графа Никиты Петровича Панина (племянника умершего в 1783г. Никиты Ивановича, учителя Павла I), представив его как заговорщика. Император поверил и сослал Н.П. Панина в его имение под строгий надзор. А некоторое время спустя обман обнаружился. «Растопчин! Изверг! – вскричал Император, – Пусть поплатится за свои интриги!» Панину разрешили вернуться, а в ссылку отправился Растопчин. Никто из сенаторов, генералов, самых высоких чиновников и офицеров не мог быть уверен в своём положении, в завтрашнем дне. Любой мог быть неожиданно возвышен, вдруг так же неожиданно унижен, разжалован, а потом вновь возвышен. При этом ошибки были исключением, а правилом были наказания и возвышения за дело, по заслугам... Но подобное обращение с высшим и правящим сословием было в глазах его представителей недопустимым! Императора стали считать «самодуром» и называть (некоторые вполне убеждённо!) душевно больным! На самом же деле, если внимательней присмотреться, то всеми странностями и резкостями своего отношения к приближённым и прочим сильным мира сего, Павел I показывал, что, как они обращаются с крепостными, солдатами, прочими подчинёнными, так он обращается с ними!.. Это очень древний приём Христа ради юродства. В первый год своего правления Павел I придумал: вывешивать в местах своего пребывания на улице нечто вроде почтового ящика, куда любой человек мог опустить любую просьбу или жалобу. Каждый день особым ключом Император сам открывал ящик и прочитывал всё. Сколько неправедных судей и чиновников, взяточников заплатились свободой и местом из-за ящика! Он стал страшен для негодяев. Тогда негодяи начали бросать в него письма с гнусными оскорблениями Государя и карикатурами на него. Павел I убрал ящик. Но он теперь знал, кто его истинные враги.

Павел I последовательно делал всё, что служило бы благу народа и интересам России. Он принял от матери расстроенные финансы. Слишком много было выпущено денежных ассигнаций, которые упали в цене. Излишек их был собран и сожжён в присутствии Павла I. Решено было дать в оборот больше серебряной монеты, а серебра не хватало. Государь приказал перелить на монету богатейшие Екатерининские серебряные сервизы, сказав, что будет есть с оловянной посуды, пока финансы в России не придут в порядок. В целях борьбы с заразой французского революционного вольнодумства Павел I запретил въезд иностранцам в Россию, запретил выезд из России, в том числе на учёбу за границу, запретил ввоз иностранных книг, ввёл строгую цензуру печати, усилил полицейский надзор за «обществом» (о, какой оно подняло шум

по поводу этакой «деспотии»!), а кроме того запретил ношение трёхцветных французских шарфов и бантов, французского типа одежд как мужских, так и женских, и (о, ужас!) танцевание вальса!..

В то же самое время Государь уделил много внимания Православной Российской Церкви. Были открыты некоторые из закрытых Екатериной II монастырей. В 1797 г. Государь учредил ряд новых наград духовенству: малиновые камилавки и скуфьи, наперсный «золотой» (на деле серебрянозолоченный) четырёхконечный крест, митры, государственные ордена, (что открывало доступ к получению потомственного дворянства). Павел I предоставил архиереям в Синоде право самим избирать кандидата на пост обер-прокурора, проявил много заботы о материальном положении духовенства, вдов и сирот священников, запретил телесные наказания для священнослужителей прежде лишения их священного сана.

Одновременно Павел I ввёл в жизнь довольно широкую веротерпимость. Он прекратил гонения на старообрядцев. В иных случаях даже им помогал. Однажды сгорел один из керженских скитов и по просьбе погорельцев Император дал им из личных денег на восстановление скита. Здесь также проявилось желание Павла I быть Царём народным, проявляя попечение о всех своих подданных, независимо от их религии, хотя исходил он при этом из православных убеждений, рассматривая и утверждая Православную Церковь как господствующую, преобладающую. Государь позволял действовать в России Ордену Иезуитов, допущенному ещё Екатериной II, но только дня иностранцев-католиков. Запрещённые Римским папой в то время и изгнанные из многих стран Европы иезуиты нашли приют в России. Ими руководил при Павле I патер Грубер. Император освободил из тюрьмы масона Н. Новикова и не слишком препятствовал распространению в «обществе» нового масонского течения «иллюминатства», пришедшего к нам из Германии в 1776 г. В этом вопросе о веротерпимости к православным взглядам Павла Петровича примешивались взгляды масонства, проповедавшего веротерпимость как один из главных принципов общественной жизни.

Воспитанный в «широких» (чуть ли не экуменических) представлениях екатерининского века, и обладая возвышенной, поистине рыцарской и доверчивой душой, Государь Павел I был склонен верить масонской пропаганде на слово, не подозревая о глубинных тайных целях и деяниях этой сатанинской антицеркви. При осуждении русских масонов в 1792 г. Екатерина II одним из обвинений выставила их старания «к уловлению в свою секту» Наследника Павла Петровича. Действительно Новиков и Баженов передавали ему какие-то письма от герцога Брауншвейгского, которому тогда (с 1783 г.) стали подчиняться русские масоны, приведённые их главой немцем Шварцем в состав Берлинского Капитула. В XVIII веке сам король Фридрих II Великий являлся главой прусского масонства, а Великая Британия всецело управлялась тайными масонскими сообществами. Так что, отшатнувшись от слишком революционного радикального французского масонства, масоны русские попали под влияние (и довольно жёсткое) масонства немецкого и английского. Неверны предположения, что Павел Петрович в 1778 г. был посвящен в масоны в доме И.П. Елагина; этого не было. Но верно то, что Государь в какой-то мере поддавался влиянию «благородных», «гуманных» масонских идей, лозунгов и девизов. В самих же тайных обществах он видел опасность и запретил их создание в России без особого царского разрешения, чем вызвал к себе враждебность Ордена иллюминатов. Преодолевая недоверие некоторых старых

масонских организаций в Европе, иллюминаты быстро распространялись. Их скрытой целью (как и всех других масонов) было уничтожение христианской веры и монархии. В 1781 г. на своём Конvente (съезде) во Франкфурте они порешили создать в России два капитула «теоретического градуса» под общим управлением Шварца. Одним капитулом руководил историк Татищев, другим – князь Трубецкой. На Конvente масонов-иллюминатов в 1782 г. Россия была объявлена «Восьмой провинцией Строгого Наблюдения». Здесь же масоны поклялись убить Людовика XVI и его жену и шведского короля Густава III, что потом и было исполнено. В те же 80-е годы XVIII века масонством было постановлено стремиться к уничтожению монархии и Церкви, начиная с Франции и продолжая Россией. Но открыто, «для публики» и принимаемых в низшие степени, масоны говорили, что стремятся к прекращению вражды между людьми и народами из-за религиозных и национальных споров, что верят в Бога, что занимаются благотворительностью и хотят воспитывать человечество на началах нравственности и добра, что являются верными гражданами своих стран и Государей.

Важно понять, что наш Государь Павел I отдавал дань «благородству» этих масонских публичных заявлений в силу действительного благородства своих личных стремлений ко благу всего вверенного ему Богом народа Российской Империи!

Поначалу дворянство его «со скрипом» терпело. От Петра I и не такое терпели! Хотя уже в 1797 г. пошли слухи о готовящемся заговоре против Императора. В конце этого года шведский посол Стединг писал из России своему правительству, что такие слухи «не заслуживают никакой веры. ... Если даже и имеются недовольные строгостью и неожиданными наказаниями Императора, то, с другой стороны, он привлек к себе сердца многих подданных своей щедростью, своей любовью к порядку и справедливости. Внушая всем страх, он вместе с тем защищает народ от того гнёта, под которым он раньше стонал». Довольно точная оценка правления Павла I.

Но скоро обстановка стала меняться к худшему. Над Императором начали собираться тёмные тучи. И всё началось из-за проклятых масонов!

В 1797 г. за покровительством-защитой к Российскому Императору обратились рыцари Мальтийского Ордена, владевшие с XVI в. островом Мальтой на Средиземном море. Этому их владению стала угрожать революционная Франция. Павел I взял Мальту под своё покровительство, имея в виду, кроме всего прочего, возможность утвердить таким образом присутствие России в Средиземноморском бассейне. В благодарность за заступничество мальтийские рыцари предложили Павлу I стать их магистром (гроссмейстером). Орден был католическим, но антифранцузским, антиреспубликанским. Последнее «подкупило» Павла I. Он был торжественно посвящён в магистра Мальтийского Ордена. В Россию перебрался весь Капитул Ордена и находился здесь до 1817 г. С 1834 г. он обосновался в Риме, где пребывает и по сей день. Рыцари подарили Павлу I чудотворную икону Божией Матери, написанную евангелистом Лукой, и кисть правой руки св. Иоанна Крестителя. Павел I знал, что Орден возник в Палестине во время крестовых походов в XI в. и долгое время назывался Иоаннитским (в честь Иоанна Предтечи) или Орденом Госпитальеров, так как заботился о больных и раненых. Под давлением мусульман Иоанниты перебрались сначала на о. Кипр и, наконец, в XVI в. на о. Мальту, получив и новое название – мальтийцев. Но Император Российский не знал, что очень давно этот Орден, подобно древним Тамплиерам, сделался тайной антихристовой организацией, сокрытой под видом и символами средневекового рыцарства!.. В «духовном тамплиерстве» XVIII в. первые степени масонского посвящения

– ученик, подмастерье (товарищ) и мастер, так и назывались «иоаннитскими» или «мальтийскими». Посвящение в магистра такого Ордена означало посвящённость в диаволопоклонническое сообщество. Павел I об этом не подозревал. И это явилось его самой крупной ошибкой! За неё Государю пришлось расплатиться собственной жизнью.

А события развивались так. В 1798 г. «первый консул» Франции Наполеон Бонапарт захватил о. Мальту. Верный слову Павел I решил нарушить нейтралитет России и выступить в союзе с Пруссией, Австрией и Англией против Франции. В Средиземное море из Чёрного двинулся русский флот под командованием Ф.Ф. Ушакова, прославившего Россию рядом блестящих побед над французами на море. Союзники попросили, чтобы войсками России на суше командовал граф А.В. Суворов-Рымникский. Государь лично недолюбливал Суворова. Как уже говорилось, он был сослан в своё имение. Но «дружба – дружбой, а служба – службой». Павел I знал о полководческом даровании фельдмаршала. Он немедленно вызвал его в столицу и поручил командование русскими войсками, сказав: «Иди, спасай царей!». Потом счёл нужным прибавить: «Веди войну, как сам знаешь!». В 1799 г. Суворов начал успешные действия в Италии.

Разгромив французов в ряде сражений, он за полтора-два месяца освободил Северную Италию, взял Милан и Турин. После этого Суворов хотел войти во Францию (Наполеон в это время находился в Африканском походе). Но прусско-австрийское командование (гофкригсрат), которому формально должен был подчиняться Суворов, решило направить его в Швейцарию, где терпел неудачи русский корпус Римского-Корсакова. Чтобы скорей соединиться с ним, Суворов совершил знаменитый безпримерный переход через перевал Сент-Готард, считавшийся недоступным для движений войск. Через ущелье р. Рейсы (Чёртов мост) суворовцы вышли в Швейцарию. Но они не успели. Римский-Корсаков был разгромлен. У выхода из гор Суворова поджидал генерал Массена с превосходящими силами. Чтобы сохранить армию, Суворов не спустился в долину, а пошёл по горам, разбивая отряды французов, стремившихся преградить ему путь. Восхищённый Массена потом говорил, что «отдал бы все свои кампании за альпийский поход Суворова». По совокупности за всю героическую кампанию Павел I наградил Суворова титулом князя Итальянского, званием Генералиссимуса и правом отдания ему таких воинских почестей, какие раньше полагались только Царю. И Суворов и Павел I скоро поняли, что союзники не столько борются с Французской революцией, сколько хотят по-живиться в своих интересах за счёт Франции и с этой корыстной целью используют русских, проявляя к тому же небрежение к нуждам наших войск. Но не это явилось главным в разладе России с союзниками, а то, что в 1800 г. Англия захватила о. Мальту, отбив её у французов и не вернув Мальтийскому Ордену. Павел I вернул Суворова с войсками в Россию и потребовал от Пруссии решительных действий против Англии (захвата Ганновера), угрожая порвать отношения и взять Ганновер, – родину английских монархов, силами русских. В это же время начались непосредственные сношения Павла I с Наполеоном. Начались необычно. Павел I вызвал Наполеона на дуэль с тем, чтобы решить государственные споры путём личного поединка, а не проливать невинную кровь солдат. От дуэли Бонапарт уклонился, но высоко оценил предложение Павла I и в знак уважения отпустил без всяких условий русских пленных, снабдив их всем нужным за счёт Франции. Павел I увидел, что с утверждением у власти Наполеона революции во Франции положен конец. Поэтому он заключил союз с Наполеоном против Англии (с целью отнять у неё о. Мальту и наказать за коварство) и присоединил Россию к

«континентальной блокаде», которую устроил Наполеон против Англии, подрывая её торгово-финансовое могущество. Более того, Павел I в совете с Наполеоном решил отправить большой казачий корпус в Индию – самую драгоценную колонию англичан. Корпус двинулся в путь. До сих пор этот приказ Государя оценивают как «сумасбродный» и «безрассудный». Но скрывают, что план такого похода русских на Индию принадлежал вовсе не Павлу I; он возник у Екатерины II и серьёзно рассматривался ею (Павел I лишь привёл его в действие).

Разрыв России с Англией и союзниками означал для них катастрофу и в любом случае непоправимый удар по британскому кошельку, а также по кошельку крупных российских землевладельцев и торговцев (английская торговля в России была издавна очень сильна!). Из тайных масонских центров Англии и Германии русским масонам было приказано устранить Императора и как можно скорее!

Давно возмущённое отношением Павла I русское дворянство живо откликнулось на масонский призыв. Оно уже и до этого «подбиралось» к своему Государю. В 1798 г. русским масонам удалось посеять раздор в Царской Семье. Они оклеветали Государыню Марию Фёдоровну, как якобы стремящуюся править мужем и вместо мужа. Ему же одновременно «подставили» красавицу Лопухину – дочь крупнейшего масона, верную заговорщицу. Но дело чуть было не сорвалось из-за благородства Императора. Узнав, что Лопухина любит князя Гагарина, Павел I устроил их бракосочетание, находясь с Лопухиной в чисто дружеских отношениях. Масонам пришлось спасать положение так, что сам князь Гагарин стал содействовать сближению своей жены с Павлом I. Она поселилась в Михайловском замке и стала ценнейшим агентом заговорщиков. С осени 1800 г. заговор приобрёл планомерный и быстрый характер. В него были вовлечены граф Н.П. Панин (коллегия иностранных дел), генерал граф Пётр Алексеевич фон дер Пален, губернатор Петербурга, ближайший советник Царя, генерал Беннигсен (тоже немец), адмирал Рибас (родом с о. Мальта), братья Платон, Николай, Валерьян Зубовы и их сестра, в замужестве княгиня Жеребцова, сенаторы Орлов, Чичерин, Татаринов, Толстой, Трошинский, генералы Голицын, Депрерадович, Обольянинов, Талызин, Мансуров, Уваров, Аргамаков (пишут также Аргамантов), офицеры полковник Толбанов, Скарятин, некий князь Яшвиль, лейтенант Марин и очень многие другие (среди них даже генерал М.И. Кутузов, один из видных масонов тех лет). Во главе заговорщиков стоял посол Англии в Петербурге сэр Чарльз Уитворт. По некоторым данным через него Англия заплатила заговорщикам два миллиона рублей золотом.

Главнейшими заговорщиками были масоны-иллюминаты, действовавшие по принципу своего основателя Вейсгаупта: «клеветайте, клеветайте, – что-нибудь, да останется!». На Императора Павла I обрушились потоки клеветнических измышлений, цель которых была «доказать», что он – сумасшедший, душевно больной и потому в интересах народа (!) и династии (!) – не может находиться у власти. Клевета подкреплялась тем, что приказы Императора или не исполнялись, или извращались до абсурда, или его именем отдавались распоряжения явно безумного характера. В этом особенно преуспевал фон Пален. Он же начал внушать Павлу I, что его сын Александр Павлович (а также и Константин) при сочувствии Императрицы хотят свергнуть его с престола. И когда Павел I расстраивался этими сообщениями, его сыновьям Александру и Константину внушалось, что Император в силу болезненной подозрительности намерен их вместе с матерью, заточить навсегда в крепость, а на Престол России будто бы намеревается

посадить молодого принца Евгения Вюртембергского, приехавшего тогда в Россию. Дворянское общество запугивалось тем, что Павел I в припадке безумия хочет одних казнить, других посадить по тюрьмам, третьих отправить в Сибирь. Пален был самым близким к Царю человеком и ему не могли не верить! А он меж тем, по его же позднейших признаниям обманывал всех, в том числе и Великого Князя Александра. Последнему поначалу внушалось, что речь пойдёт об отстранении от власти его отца – Императора (по причине «болезни») с тем, чтобы Александр стал регентом-правителем. Граф Н.П. Панин искренне хотел именно такого исхода дела, как и многие иные, не потерявшие человеческого облика противники Павла I. Александр поначалу совсем не соглашался на заговор, готовясь терпеть от отца всё до конца. Но Панин, а затем Пален убедили его, что переворот необходим для спасения Отечества! Александр неоднократно требовал от заговорщиков клятвы, что они не позволят никакого насилия над его отцом и сохраняют ему жизнь. Эти клятвы ему давались, но заведомо лживо, как потом похвалялся Пален, только чтобы «успокоить совесть» Александра. Примерно так же уговорили и Константина Павловича. Переворот был намечен на конец марта 1801 г. Перед этим умер Рибас, а Панин угодил в ссылку, откуда не успел вернуться. Всё руководство заговором перешло к Палену, изначально желавшему умертвить Императора. Об этом узнали многие верные Государю и предупреждали его. По своим каналам узнал обо всём и Наполеон, и вовремя поспешил поставить в известность Павла I. Наполеон вообще очень ценил Павла I как правителя, сохранив это высокое мнение до конца своих дней на о. Св. Елены. Ко всем политическим мотивам его нашествия на Россию в 1812г. нужно прибавить и желание наказать Александра I за соучастие в гибели отца. 7 марта 1801 г. Павел I спросил Палена напрямик о заговоре. Тот подтвердил и сказал, что сам стоит во главе заговорщиков, так как только так и может быть в курсе дел и в нужный момент всё предотвратить... И на этот раз Палену удалось обмануть Государя, но он почувствовал, что это ненадолго, что сам он «повис на волоске». Нужно было спешить, тем паче, что Павлу I были преданы многие сановники, генералы и особенно все солдаты. Кроме того, иезуиты, враждовавшие с иллюминатами, всё прознали о заговоре. Днём 11 марта в приёмной Императора появился патер Грубер с полным и точным списком заговорщиков и данными о деталях. Но удалось не допустить аудиенции иезуита у Павла I. Пален внушал Александру, что его отец уже приготовил указ о заточении его и всей Царской Семьи в Шлиссельбургскую крепость, что поэтому нужно действовать без промедления. Из Михайловского замка, где жил Павел I, были удалены отряды верных ему частей. 11 марта 1801 г. отец пригласил сыновей Александра и Константина, лично спрашивал, не причастны ли они к заговору, и, получив отрицательный ответ, счёл нужным, чтобы они на кресте и Евангелии присягнули как бы вторично в верности ему как своему Государю. Сыновья присягнули, обманно... В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. в Неву вошёл английский корабль с целью принять на борт заговорщиков в случае их провала. Перед этим из Рос-сии был выслан Ч. Уитворт. К нему в Англию отправилась Жеребцова-Зубова, дабы там устроить заговорщиков, если им придётся бежать. В ночь на 12 марта до 60-ти молодых офицеров, из числа наказанных за проступки, были собраны у Палена и буквально накачаны спиртным. Один из них спьяну заметил, что для России было бы хорошо, если заодно перебить всех членов Царской Фамилии! Остальные с возмущением отвергли такую идею, но она говорила уже о многом! После сильной попойки ночью через Марсово поле все двинулись к Михайловскому замку. Здесь храбрых офицеров до

смерти перепугали вороны, внезапно вспорхнувшие ночью огромной стаей и поднявшие сильный крик. Как выяснилось потом, некоторые из этой офицерской молодёжи даже не знали, куда и зачем их ведут! Но большинство знали. По очереди, двумя группами (пугая друг друга) им удалось ворваться в спальню Павла I, убив у дверей одного верного стража камер-гусара (второй побежал за караулом). Павел I, услышав шум драки, пытался бежать через потайную дверь, но на него упал гобелен «Школа в Афинах» – подарок убиенных короля и королевы Франции. Заговорщики схватили Царя. Беннигсен объявил ему, что его арестуют, что он должен отречься от Престола, иначе нельзя ручаться за последствия. Крайне взволнованный Павел I на это ничего не ответил. Он порывался в комнату, где хранилось оружие, хотел вырваться из кольца убийц, но они плотно обступили его, дыша в лицо Императора винным перегаром и злобой. Куда девалось дворянское благородство! «Что я вам сделал?» – спросил Павел I. «Вы четыре года нас мучили!» – был ответ. Пьяный Николай Зубов схватил Императора за руку, последний дал ему по руке и оттолкнул негодяя. Зубов с размаху ударил Царя в левый висок золотой табакеркой, подаренной Екатериной II, повредив ему височную кость и глаз. Обливаясь кровью, Павел I упал. Озверевшие заговорщики бросились на него, топтали, били, душили. И задушили. Особенное усердие проявили Зубовы, Скорятин, Яшвиль, Аргамаков и, как думают, Пален (хотя есть основания полагать, что он лично в свалке не участвовал). Тут подоспел караул из верных Александру семёновцев (солдаты не посвящались в заговор). К караулу вышли Беннигсен и Пален, сказав, что Государь скончался от приступа апоплексии и на Престоле теперь его сын Александр. Пален помчался в покои Александра. Узнав о смерти отца, Александр зарыдал. «Где же ваша клятва? Вы же обещали не трогать отца!» – воскликнул он. «Полноте плакать! Нас всех сейчас поднимут на штыки! Извольте выйти к народу!» – закричал Пален. Александр, ещё в слезах, вышел и стал что-то говорить о том, как хорошо он будет управлять государством... Караул в недоумении промолчал. Действовать против Наследника Цесаревича солдаты не могли, но не могли они и понять, что же всё-таки произошло. Но простой Русский народ и тогда, и потом, и даже теперь (!) всё хорошо понял. По сей день (с того самого 1801 г.) верующие люди в случае притеснений сильных мира сего в Петербурге (и недавно ещё в Ленинграде) заказывают панихиды по «убиенном Павле», мысленно прося у него заступничества. И – получают просимое! И каждый год в ночь с 24 на 25 марта, по новому стилю, близ Михайловского замка слетается и вспархивает с великим криком большая стая ворон. Говорят, это – души злодеев цареубийц. Но это уже – разговоры!..

Итак, заговор русских дворян против неугодного им Императора удался. При явном попустительстве родных сыновей Павел I был убит. Старший из них, Александр, стал Государем Российским. В первые часы и дни ещё никто не подозревал, как в дальнейшем всё это скажется на судьбах страны и на личной судьбе и сознании самого Александра I. Все заговорщики кончили плохо. Одних устранил Александр I, других наказал Сам Господь. Быстро был удалён от всех дел и отправлен в имение в ссылку главный виновник цареубийства Пален. Там он долго сходил с ума, сделавшись полностью невменяемым. Также сошли с ума Николай Зубов и Беннигсен (Зубов стал пожирать собственные испражнения). Ложно объявив Павла I душевно больным, они стали сами душевно больными в действительности! Бог поругаем не бывает. «Мне отмщение, и Аз воздам», – говорил Он. Радость дворянства Российского была не особенно долгой. Всё-таки и Александр I и затем – Николай I были сыновьями своего

отца! И они и последующие Императоры уже не дали дворянству управлять собою. Как только русское дворянство поняло это, то есть, что больше оно не властно над Самодержцами (а поняло быстро), оно стало стремиться к уничтожению самодержавия в России вообще, в чём и преуспело, наконец, в феврале 1917 г., правда – себе же на гибель!.. Таков основной зигзаг политической российской истории, начиная с Екатерины I-й и кончая Николаем II-м.

Царствование Императора Павла Петровича предопределило последующие в самом главном. Как мы видели, этот Царь «повернулся лицом» к Православной Российской Церкви, утвердил устои Самодержавия и постарался сделать его подлинно народным. Лично ему всё это стоило жизни. Но этим были заложены дальнейшие основы государственной жизни России XIX и начала XX века: «Православие, Самодержавие, Народность!» Или, в воинском выражении – «За Веру, Царя и Отечество!».

Незадолго до мученической кончины Государь Павел I написал письмо, которое завещал вскрыть ровно через сто лет после своей смерти. Конверт хранился в Императорской Семье и никто из Царей не коснулся его. 24 марта 1901 г. это письмо было прочитано Государем Николаем II и оно произвело на него очень тяжкое впечатление. Содержание письма неизвестно. Но можно думать, что в нём было определённое предсказание о судьбе России и Династии. Посетивший тогда Россию принц Уэльский Альберт Эдуард, «великий магистр» английских масонов, позднее король Англии, как-то за столом сказал Государыне Александре Фёдоровне, что он находит профиль её Супруга очень похожим на профиль Павла I. Сравнение это никому не понравилось. Да и странным оно было, так как на самом деле лишь при очень большой фантазии можно было найти какое-то сходство. Но почему-то счёл нужным обнаружить его видный представитель того самого английского масонства, которое приложило руку к мученической гибели и Павла I и Николая II ...

В истории Государя-мученика Павла Петровича мы замечаем нечто новое. На образование и действия решающей массы дворянской «общественности» России не просто как-то влияет, а оказывает очень заметное и сильное давление зарубежное масонство. Такое влияние и давление, то ослабеваая, или становясь незаметным, то усиливаясь до откровенности, будет отныне присутствовать вместе с влиянием еврейским постоянно во всех важнейших российских делах. И сколько бы ни выступали против таких выводов современные иудеи и масоны, а также их подголоски из «образованной общественности», пытаясь представить психопатами всех, кто говорит о «жидо-масонском заговоре» против России – исторический материал постоянно показывает (вопиет!), что такой заговор возник в конце XVIII в., осуществлялся и осуществляется поныне, так что без учёта его действий вообще невозможно ничего понять в нашей истории последних 200 лет.